

Институт дополнительного расследования в законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь: истоки и тенденции развития

© 2024

Леонова Елена Викторовна, адвокат, аспирант

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара (Россия)

E-mail: 3059@paso.ru,
lev0329@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.03.2024

Принята к публикации 11.04.2024

Аннотация: В статье проанализирована проблема преодоления объективно существующего противоречия между институтом возвращения уголовного дела на дополнительное расследование и принципом состязательности. Несмотря на закрепление в ст. 15 УПК РФ принципа состязательности и равноправия сторон, ликвидированный первоначально институт дополнительного расследования вскоре был восстановлен в прежнем виде, что позволяет суду вместо вынесения оправдательного приговора предоставить следователю дополнительную возможность для продолжения деятельности по собиранию обвинительных доказательств. Цель работы – поиск альтернативных способов обеспечения эффективности уголовного судопроизводства, соответствующих принципам российского уголовного процесса, в том числе апробированных в Республике Беларусь, где в качестве такого способа применяется техника изменения обвинения на более тяжкое непосредственно в ходе судебного разбирательства и устранения неполноты предварительного расследования путем приостановления судебного разбирательства для собирания дополнительных доказательств. Учитывая динамику юридических явлений и правовых средств, используя методы исторического и сравнительного анализа, автор статьи изучает истоки института дополнительного расследования в Российской Федерации и Республике Беларусь, анализирует его развитие, сравнивает средства уголовно-процессуального реагирования на недостатки предварительного расследования, выявляемые в ходе судебного разбирательства. Продемонстрирована неудачность опыта обеих стран, не сумевших освободить суд от несвойственной ему обязанности восполнять недостатки и устранять ошибки предварительного расследования. Сделан вывод о необходимости поиска принципиально иных средств повышения качества предварительного расследования непосредственно в ходе досудебного производства.

Ключевые слова: институт дополнительного расследования; Российская Федерация; Республика Беларусь; возвращение уголовного дела прокурору; дополнительное расследование; пределы судебного разбирательства; принцип состязательности.

Для цитирования: Леонова Е.В. Институт дополнительного расследования в законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь: истоки и тенденции развития // *Jus strictum*. 2024. № 2. С. 26–34. DOI: 10.18323/3034-2945-2024-2-26-34.

ВВЕДЕНИЕ

Дополнительное расследование, возникшее в условиях розыскного типа уголовного процесса, формировалось как правовой институт под влиянием комплекса факторов, в т. ч. политических и идеологических. В частности, ст. 1 утвержденных Постановлением ЦИК СССР от 29 октября 1924 г. «Основ судопроизводства Союза ССР и союзных республик» в качестве первой из задач суда закрепляла ограждение завоеваний пролетарской революции, рабоче-крестьянской власти и правопорядка, ею установленного. Такая формулировка исключала споры о задачах суда как органа, призванного ограждать социальный правопорядок от покушений со стороны отдельных лиц¹, т. е. бороться с преступностью. Позднее в этих же целях УПК РСФСР ставил перед судом, прокурором, следователем, органом дозна-

ния задачу быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных (ст. 2). Естественным для того времени образом на суд возлагалась обязанность восполнять пробелы предварительного расследования за счет самостоятельного поиска доказательств, а при невозможности восполнить в суде выявленную неполноту уголовное дело должно было направляться на дополнительное расследование. Односторонность и неполнота предварительного расследования, не восполненная в судебном заседании, служили основанием для отмены приговора (ст. 342, 343 УПК РСФСР). Таким образом, на суд фактически возлагалась ответственность за работу органов предварительного расследования, а оправдательный приговор оценивался вышестоящим судом не только как результат некачественной работы следствия, прокурора, но и как свидетельство неспособности суда устранить недостатки расследования. Институт дополнительного расследования не только не противоречил духу того времени, но и отражал совокупность взглядов, идей, характеризующих уровень правового развития государства. Посредством института дополнительного расследования: 1) восполнялись

¹ Крыленко Н.В. Суд и право в СССР: теоретический и практический комментарий к основам судопроизводства, судопроизводства и материального уголовного права СССР. М.: Государственное издательство, 1927. 164 с.

пробелы расследования и исправлялись следственные ошибки, которые суд не мог устранить самостоятельно; 2) устранялись существенные нарушения уголовно-процессуального закона, препятствующие назначению и (или) проведению судебного разбирательства; 3) расширялись пределы производства по уголовному делу по кругу фактов и лиц; 4) обеспечивалось изменение обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся от первоначального, что было обусловлено жестким подходом к пределам судебного разбирательства. Формировавшееся в таких условиях правовое самосознание судей влияло на практику: применение института дополнительного расследования способствовало обвинению, вело к отказу от вынесения оправдательных приговоров, затягиванию сроков рассмотрения дела.

В процессе эволюции российской правовой системы, повышения правовой культуры и правосознания граждан происходило утверждение общечеловеческих, общедемократических правовых ценностей, проявилась тенденция к модернизации системы правовых принципов, отвечающих человеческим представлениям о справедливости. Концепция судебной реформы в РСФСР (далее – Концепция), утвержденная 24 октября 1991 г. Верховным Советом РСФСР, обращала внимание на проблемы уголовной юстиции, которые возможно устранить, только лишив суд активной обвинительной роли посредством разграничения функций обвинения, защиты и разрешения уголовных дел. К рудиментам обвинительной деятельности, в частности, Концепция относила обязанность суда восполнять пробелы предварительного расследования за счет самостоятельного поиска доказательств и направлять уголовные дела на дополнительное расследование в случае невозможности их выполнения. Вслед за Концепцией свою позицию высказал Конституционный суд РФ, разъяснив, что возложение на суд обязанности в той или иной форме подменять деятельность органов и лиц по осуществлению обвинения не согласуется с принципом состязательности². Направляя уголовное дело в случае его неполноты для дополнительного расследования, а при наличии оснований для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении, – для предъявления другого обвинения, суд инициирует продолжение следственной деятельности по обоснованию обвинения и выполняет несвойственную ему обвинительную функцию. В дальнейшем эта правовая позиция была распространена на полномочие суда по собственной инициативе возвращать уголовное дело для дополнительного расследования при наличии оснований для привлечения к уголовной ответственности других лиц³, а также

в случаях признания доказательств недопустимыми и невозможности устранения в судебном заседании обусловленных этим пробелов в доказательственном материале⁴. Положения п. 1, 3, 4 ч. 1 ст. 232 и ч. 1 ст. 258 УПК РСФСР были признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации. Не противоречащими Конституции Российской Федерации признавались лишь положения, которые допускали возвращение уголовного дела с целью восстановления нарушенных прав участников уголовного судопроизводства и устранения существенных нарушений уголовно-процессуального закона, не касающихся доказанности вины, квалификации, фактических обстоятельств дела, если такое устранение не предполагает дополнения ранее предъявленного обвинения, т. е. если это не было связано с восполнением неполноты предварительного следствия⁵.

С учетом этих принципиальных решений российский законодатель предпринял попытку упразднить институт дополнительного расследования, заменив его в УПК РФ институтом возвращения уголовного дела прокурору. Последний должен был выполнять единственную задачу – устранять обозначенные в ст. 237 УПК РФ процессуальные препятствия к постановлению судом приговора (обвиняемому не вручена копия обвинительного заключения, не разъяснены права при ознакомлении с материалами дела, обвинительное заключение не соответствует требованиям УПК РФ). Однако в нормах УПК РФ не предусматривалось механизма реагирования на ситуации, когда в ходе судебного заседания: 1) будут установлены существенные или несущественные процессуальные нарушения, допущенные в ходе предварительного расследования, не предусмотренные ст. 237 УПК РФ (например, обвиняемый и защитник не ознакомлены с материалами дела в полном объеме или частично, следователь не принял решения по заявленным обвиняемым ходатайствам, обвиняемый не был обеспечен защитником); 2) будут установлены обстоятельства, свидетельствующие о совершении подсудимым иного преступления, о наличии соучастников преступления и оснований для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся от первоначального; 3) стороной инициирован вопрос о необходимости восполнения пробелов доказывания, которые не могут быть устранены в ходе судебного следствия. Несовершенство юридической техники вскоре обнаружилось благодаря возникновению ситуаций, когда

отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гр. И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2000. № 5. Ст. 611.

⁴ *Определение Конституционного Суда РФ от 03 февраля 2000 г. № 9-О «По жалобе гражданки Берзиной Людмилы Юрьевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 части первой статьи 232 УПК РСФСР» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 13. Ст. 1428.*

⁵ *Постановление Конституционного Суда РФ от 4 марта 2003 г. «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 части первой и части третьей статьи 232 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан Л.И. Батищева, Ю.А. Ефграфова, О.В. Фролова, А.В. Шмелева» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 12. Ст. 1176.*

² *Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород» от 20 апреля 1999 г. № 7-П // Российская газета. 1999. № 80.*

³ *Постановление Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 г. № 1-П по делу о проверке конституционности*

суды полагали невозможным рассматривать дело по существу, но не имели законных оснований для возвращения его прокурору: необеспечение обвиняемому прав на получение квалифицированной юридической помощи и на ознакомление с материалами дела, отсутствие подписи следователя под текстом постановления о привлечении в качестве обвиняемого, неознакомление потерпевшего с материалами дела, наличие оснований для предъявления обвинения в более тяжком преступлении. В Конституционный суд Российской Федерации стали поступать жалобы потерпевших и запросы судов о проверке конституционности положений ст. 237 УПК РФ, в связи с чем им было дано расширительное толкование п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Основанием для возвращения дела прокурору во всяком случае было предложено считать существенные нарушения уголовно-процессуального закона, так как при наличии таких нарушений обвинительное заключение, обвинительный акт не могут считаться составленными в соответствии с требованиями УПК РФ⁶.

Наметился рост количества возвращенных прокурору уголовных дел с применением п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, предоставлявшего возможность со ссылкой на существенные нарушения уголовно-процессуального закона толковать закон в том правовом значении, которое позволяло исправлять следственные ошибки, избегая вынесения оправдательного приговора. Исследователи и практики стали высказываться о недостаточности пятисуточного срока для устранения выявленных недостатков расследования [1–3].

Вследствие изложенного ст. 237 УПК РФ подверглась многочисленным изменениям. Ученые пришли к выводу, что эти изменения привели к перерождению института возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом в институт дополнительного расследования в том виде, в каком он был до начала судебной реформы по УПК РСФСР, который базировался на иной системе принципов [4; 5]. Эту позицию мы полностью поддерживаем [6]. Автор [7], анализируя нормы уголовно-процессуального закона, формулирует вывод о наличии «восстановительного расследования», не являющегося дополнительным расследованием. Неудачность попытки отказа от института дополнительного расследования, по мнению ученых, связана с недооценкой его технической составляющей, «в силу чего составители УПК РФ не создали никаких иных процессуальных механизмов, на которые можно было бы возложить решение соответствующих процессуально-технических задач» [8, с. 55]. Автор [9–11], оценивая содержание и реализацию принципа состязательности в уголовном процессе с позиции межотраслевой аналогии, показывает несостязательный характер института возвращения уголовного дела судом прокурору и предлагает применять межотраслевые аналогии для решения существующих проблем возвращения уголовного дела прокурору.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П по делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 1. С. 3.

Поддерживая данную позицию, считаем необходимым решить проблему преодоления объективно существующего противоречия между институтом возвращения уголовного дела на дополнительное расследование и принципом состязательности, в т. ч. путем поиска альтернативных способов обеспечения эффективности уголовного судопроизводства.

Цель работы – поиск альтернативных способов обеспечения эффективности уголовного судопроизводства, соответствующих принципам российского уголовного процесса, в т. ч. апробированных в близкой России своими традициями и менталитетом Республике Беларусь, применяющей в качестве такого способа технику изменения обвинения на более тяжкое непосредственно в ходе судебного разбирательства.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

При проведении исследования использованы исторический, формально-юридический, сравнительно-правовой методы, что обусловлено необходимостью изучения юридических явлений и процессуально-правовых средств в их динамике с учетом изменений во времени. Применение обозначенных методов дает возможность прогнозировать тенденции института дополнительного расследования и определить процессуальные механизмы, альтернативные возвращению дела на дополнительное расследование.

Описываемое в статье исследование проходило в несколько этапов:

- 1) методом исторического анализа показаны истоки института дополнительного расследования в Российской Федерации и Республике Беларусь;
- 2) проведен сравнительно-правовой анализ средств уголовно-процессуального регулирования, примененных Российской Федерацией и Республикой Беларусь с целью отказа от института дополнительного расследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Истоки дополнительного расследования

Российская Федерация и Республика Беларусь имеют общие корни, а следовательно, и единые истоки дополнительного расследования. Рядом указов Екатерины II (1772–1774 гг.) земли современной Белоруссии присоединились к Российской Империи⁷. Как отмечают исследователи, дополнительное расследование в российский уголовный процесс также было введено в эпоху Екатерины II. Предположительно, обусловившей его возникновение причиной стало отделение следствия от суда [12]. Согласно указу от 29 октября 1800 г. «О производстве следствия по уголовным делам без наималейших упущений», полиция производит следствия, а уездные суды и магистраты, «буде при рассмотрении найдут недостатки, дополняли бы их окончательно (курсив наш. – Е. Л.), не допуская поправлять

⁷ Именной указ от 13 апреля 1793 г., данный Сенату «О присоединении к России от Польши некоторых Областей и об учреждении из оных Губерний: Минской, Изяславской и Бряцлавской».

палатам»⁸. По мнению ученых, данное положение обязывало суд дополнить материалы полиции⁹ [13], т. е. восполнять недостатки следствия в полной мере (окончательно). Этим же указом закреплена ответственность судов за неустранение неполноты следствия в виде наложения на них пени¹⁰. Если же суд не мог восполнить неполноту, т. е. «когда, по рассмотрении дела, окажется учиненное следствие вовсе недостаточным, то обращаться оное к переследованию»¹¹.

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС), основой для разработки которого послужил Уголовно-процессуальный кодекс Франции 1808 г. (Code d’instruction criminelle – CIC), предусматривал возвращение дела на доследование с целью устранения неполноты следствия или по причине «нарушения существенных форм и обрядов судопроизводства» только со стадии предания суду, предшествовавшей судебному разбирательству, судебным органом, не осуществляющим правосудие (ст. 534 УУС). Неполнота следствия не служила основанием для отмены приговора. Дело обращалось «вновь к предварительному следствию», только если обнаруживалась причастность подсудимого к деянию, которое влечет более строгое наказание (ст. 752, 753 УУС), что было обусловлено невозможностью постановления приговора «о преступном деянии, не предусмотренном в обвинительном акте, но обнаруженном при судебном следствии» (ст. 751 УУС). Н.Н. Розин отмечал, что ст. 751 УУС свидетельствует о том, что судебное разбирательство «не покоится на начале неизменности обвинения», открывает возможность для самых серьезных изменений первоначального обвинения¹². Иными словами, суд не был связан пределами судебного разбирательства.

В УПК РСФСР 1922 г., в отличие от УУС, была введена норма, регламентирующая пределы судебного разбирательства, что повлекло увеличение количества

оснований возвращения дела для дополнительного расследования. Рассмотрение дела в судебном заседании стало возможным лишь в отношении предъявленного обвинения (ст. 315), его изменение допускалось только в случае, если это не влекло за собой более тяжкое наказание (ст. 317). В качестве механизма реагирования на случаи обнаружения обстоятельств, свидетельствующих о совершении подсудимым еще и иного преступления независимо от его тяжести и о совершении иного преступления другим лицом при условии тесной связи с первоначальным обвинением и невозможности отдельного рассмотрения этих обвинений, законодателем вновь был применен институт дополнительного расследования. На суд, как и в екатерининскую эпоху, была возложена ответственность за неполноту предварительного расследования в виде отмены приговора, что обуславливало полномочие суда направлять дело на доследование в ходе судебного разбирательства.

Окончательно институт дополнительного расследования сформировался в УПК РСФСР 1960 г. Кроме ответственности за односторонность и неполноту предварительного расследования в форме отмены приговора, на суд была возложена ответственность за существенные нарушения уголовно-процессуального закона (ст. 342), допущенные в ходе предварительного расследования. Таким образом, наличие существенных нарушений уголовно-процессуального закона при производстве дознания или предварительного расследования стало еще одним основанием направления дела для дополнительного расследования (ст. 232). Идентичные нормы содержал и УПК Белорусской ССР 1960 г. (ст. 228, 234, 310). Общность правил в республиках достигалась посредством общесоюзного закона. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г. предусматривали применение судом механизма направления уголовного дела на дополнительное расследование для устранения препятствий к постановлению законного приговора. Такое решение суд мог принять как в распорядительном судебном заседании, так и во время судебного разбирательства, даже по итогам обсуждения в совещательной комнате.

Изложенное означает, что первоначально доследование было обусловлено: 1) неполнотой и иными недостатками предварительного следствия, неустранимыми в суде, и возложением на суд ответственности за эти недостатки в виде отмены приговора; 2) пределами судебного разбирательства, ограничение которых влекло возникновение новых препятствий для постановления приговора и требовало применения какого-либо механизма их преодоления.

Сравнительно-правовой анализ средств уголовно-процессуального регулирования

26 декабря 1991 г. была принята Концепция судебной реформы в РСФСР, чуть позже, 23 апреля 1992 г., – Концепция судебной реформы Республики Беларусь. Обе Концепции указывали на проблему выполнения судом несвойственных ему функций, в т. ч. посредством возложения на суд обязанности восполнять пробелы предварительного следствия за счет самостоятельного поиска доказательств и возвращать уголовные дела на дополнительное расследование.

⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г. Т. 26. 1800–1801 гг. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 880 с. С. 357. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003821615?page=355&rotate=0&theme=white.

⁹ Линовский В.А. Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса: Типография Л. Нитче, 1849. 262 с.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г. Т. 26. 1800–1801 гг. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 880 с. С. 358. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003821615?page=356&rotate=0&theme=white.

¹¹ Книга II. Законы о Судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках. Раздел V. О ревизии дел уголовных во второй степени суда. Глава вторая. О производстве уголовных дел, поступивших на ревизию – Ст. 379 // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Т. 15. Законы уголовные. СПб.: типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. С. 679–680.

¹² Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство: пособие по лекциям Н.Н. Розина, ординарного профессора Императорского Санкт-Петербургского университета. 2-е изд., изм. и доп. СПб.: издание Юридического книжного склада «Право», 1914. 547 с.

В Концепции судебной реформы в РСФСР указывалось, что «суд, стремясь изобличить преступника и привести в движение механизм уголовного преследования, теряет качество объективности, оказывается "в одной упряжке" с прокурором, следователем и органом дознания»¹³. В Концепции судебно-правовой реформы Республики Беларусь отмечалось: «Принцип состязательности не стал реальностью в судебном разбирательстве. Суд не занимает положения независимого арбитра в споре равноправных сторон»¹⁴.

В числе ключевых направлений судебной реформы обозначалось лишение правосудия обвинительных черт. И в Российской Федерации, и в Республике Беларусь стали разрабатываться проекты уголовно-процессуальных кодексов, которые бы следовали Концепциям реформы и Конституциям.

Как было указано выше, российский законодатель предпринял попытку упразднить институт дополнительного расследования, заменив его институтом возвращения уголовного дела прокурору только для устранения процессуальных препятствий к постановлению законного приговора или иного решения. К таким препятствиям были отнесены случаи, когда обвинительное заключение (акт) составлено с нарушением требований УПК РФ, копия обвинительного заключения (акта) не вручена обвиняемому, есть необходимость составления обвинительного заключения (акта) по уголовному делу, очевидно ошибочно направленному в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера.

В свою очередь, белорусский законодатель, стремясь ликвидировать институт возвращения уголовного дела для дополнительного расследования, сформировал нормы: 1) допускающие непосредственно в суде возможность изменения обвинения на более тяжкое, предъявления нового обвинения, ухудшающего положение обвиняемого или существенно отличающегося по своему содержанию от ранее предъявленного обвинения (ч. 2 ст. 301 УПК РБ); 2) предусматривающие возможность устранения неполноты предварительного расследования (ч. 5 ст. 302 УПК РБ).

В соответствии с ч. 2 ст. 301 УПК РБ (пределы судебного разбирательства) для изменения обвинения или предъявления нового государственного обвинителя заявляет ходатайство о перерыве в судебном заседании на срок до десяти суток, в течение которого составляет новое постановление о привлечении в качестве обвиняемого. Суд вручает копию этого постановления обвиняемому, законному представителю, защитнику и предоставляет им время, необходимое для подготовки к защите (ч. 2 ст. 301 УПК РБ). Данная норма, по мнению отдельных белорусских ученых, подтвердила свою эффективность в практической деятельности [14].

Согласно ч. 5 ст. 302 УПК РБ, если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет

к выводу о необходимости устранения процессуальных препятствий для предъявления нового обвинения, а также о том, что предъявленных доказательств недостаточно для постановления приговора, он может заявить ходатайство о приостановлении судебного производства на срок до одного месяца. После удовлетворения этого ходатайства государственный обвинитель организует проведение дополнительных следственных и иных процессуальных действий для получения новых доказательств, подтверждающих либо опровергающих предъявленное обвинение, а также для устранения процессуальных препятствий к оформлению и предъявлению нового обвинения. По выполнении этих действий, срок для чего может быть продлен судом до двух месяцев, суд знакомит с новыми материалами обвиняемого, его защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, представителей, после чего продолжает судебное заседание в обычном порядке. Фактически эта процедура, как и российский институт возвращения дела прокурору, мало чем отличается от классического дополнительного расследования, хотя формально само уголовное дело из суда не уходит.

Белорусский опыт приостановления судебного разбирательства для собирания дополнительных доказательств, который, по замыслу разработчиков кодекса, должен был заменить дополнительное расследование, себя не оправдал. Дополнительные доказательства представляются прокурором крайне редко, судебное разбирательство затягивается, а решение принимается на основе уже имевшихся и исследованных материалов. В практической деятельности стали встречаться случаи, когда после приостановления судебного разбирательства принималось решение о приостановлении или прекращении производства по делу в целом, а также о возбуждении в рамках данного производства уголовного дела в отношении нового лица. Последние в соответствии с п. 19 постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 26 сентября 2002 г. № 6 признавались не имеющими юридической силы.

Применение Российской Федерацией и Республикой Беларусь разных процессуальных механизмов отказа от дополнительного расследования повлекло возникновение одинаковых для обеих стран негативных последствий: недостаточный уровень качества поддержания государственного обвинения, чрезмерная активность суда в собирании доказательств, превращающая состязательный судебный процесс в обвинительный, где бремя доказывания виновности обвиняемого возложено на суд [15]. Недостатками обеих процедур стало отсутствие механизма устранения нарушений, которые мешали суду всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства уголовного дела и влияли или могли повлиять на постановление законного и обоснованного приговора (ст. 392 УПК РФ). Белорусские ученые, ссылаясь на невозможность устранения ошибок предварительного расследования до назначения дела к судебному разбирательству, так как в УПК РБ отсутствует процедура предварительного слушания [16], пришли к выводу, что «ликвидация дополнительного расследования пока не дала желаемого результата» [15, с. 62].

¹³ Концепция судебной реформы РСФСР: утв. постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 окт. 1991 г. № 11801-1. М., 1992. 44 с.

¹⁴ Концепция судебно-правовой реформы в Республике Беларусь от 23 апреля 1992 года // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1992. № 16.

Законом Республики Беларусь от 05 января 2015 г. № 241-З¹⁵ УПК РБ был дополнен нормами, регламентирующими ранее не предусмотренное предварительное судебное заседание (аналог российского предварительного слушания), по результатам которого суд может принять решение о возвращении уголовного дела прокурору (ст. 277¹, 280¹, 280², 280⁴ УПК РБ). Нормы, допускающие изменение обвинения на более тяжкое и устранение неполноты предварительного расследования в суде, не изменялись.

Новая ст. 280¹ УПК РБ так же, как и ст. 237 УПК РФ в первоначальной редакции, регламентирует возвращение уголовного дела прокурору для устранения процессуальных препятствий к его рассмотрению. К таким препятствиям УПК РБ относит случаи, когда: 1) предварительное расследование по уголовному делу произведено лицом при наличии оснований для отвода или не разрешен отвод, заявленный следователю, лицу, производящему дознание, прокурору; 2) в деле отсутствуют постановления о возбуждении уголовного дела, либо выделении рассматриваемого уголовного дела в отдельное производство, либо возобновлении приостановленного предварительного расследования, либо принятии уголовного дела к производству, либо продлении срока предварительного следствия, либо соединении уголовных дел, либо производстве предварительного следствия следственной группой, либо передаче уголовного дела прокурору для направления в суд или постановление прокурора о направлении уголовного дела в суд, а также если обвиняемый в нарушение требований ст. 45 УПК РБ при предъявлении обвинения не был обеспечен защитником; 3) в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого не указан уголовный закон (пункт, часть, статья), предусматривающий ответственность за преступление, в совершении которого лицо обвиняется; 4) не соблюдены условия, предусмотренные ч. 2 или 3 ст. 468²⁵, регламентирующими специальное производство (порядок досудебного производства и судебного рассмотрения уголовных дел в отношении обвиняемого, находящегося вне пределов Республики Беларусь). По этим же основаниям суд может возвращать уголовное дело прокурору по собственной инициативе или по ходатайству сторон и в судебном заседании при рассмотрении дела по существу (ст. 303¹ УПК РБ).

Расширительное толкование Конституционным судом РФ п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ также обусловлено поиском механизма устранения препятствий к постановлению законного приговора. Согласно позиции Конституционного суда, «...основанием для возвращения дела прокурору во всяком случае являются совершенные дознавателем, следователем или прокурором, существенные нарушения уголовно-процессуального закона, в силу которых исключается возможность постановления приговора или иного решения. Подобные

нарушения в досудебном производстве требований Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которые не могут быть устранены в судебном заседании и исключают принятие по делу судебного решения, отвечающего требованиям справедливости, всегда свидетельствуют в том числе о несоответствии обвинительного заключения или обвинительного акта требованиям данного Кодекса»¹⁶. Такая позиция Конституционного суда оправдывает возвращение уголовного дела прокурору при любом нарушении уголовно-процессуального закона, которое суд посчитает существенным, в т. ч. в случаях, когда фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении (акте, постановлении), свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления.

Таким образом, несмотря на предпринятые усилия, ни Российская Федерация, ни Республика Беларусь не смогли отказаться от дополнительного расследования.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Исследование показало, что истоком института дополнительного расследования со времен Екатерины II является возложение на суд ответственности за неполноту и иные недостатки предварительного расследования. При отсутствии разделения процессуальных функций между участниками уголовного судопроизводства такое положение и в советский период истории вполне соответствовало официально провозглашенным целям и задачам уголовного процесса, ответственность за достижения которых в равной мере возлагалась на органы следствия и суд. Однако закрепив на конституционном уровне принцип состязательности и равноправия сторон, Российская Федерация и Республика Беларусь столкнулись с проблемой преодоления объективно существующего противоречия между институтом возвращения уголовного дела на дополнительное расследование и состязательностью, исключающей суд из числа субъектов, обязанных доказать обвинение. Отказавшись от института дополнительного расследования, страны применили разные способы преодоления препятствий к вынесению законного приговора.

Ссылаясь на законодательство государств, относящихся к романо-германской правовой семье, в т. ч. Республики Беларусь, и практическую потребность в исправлении следственных ошибок, российские ученые сформулировали вывод о том, что процедура изменения обвинения прокурором в судебном разбирательстве на более тяжкое является эффективной альтернативой направления дела на дополнительное расследование [16; 19]. По их мнению, предлагаемые изменения позволяют сократить сроки производства по делу, так как движение

¹⁵ Закон Республики Беларусь от 05 января 2015 г. № 241-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях».

¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 4 марта 2003 г. «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 части первой и части третьей статьи 232 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан Л.И. Батищева, Ю.А. Ефграфова, О.В. Фролова, А.В. Шмелева» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 12. Ст. 1176.

дела сохранит поступательный характер, в большей степени будет обеспечена объективность и беспристрастность суда, который не будет втягиваться в осуществление обвинительной функции, не будет нарушаться принцип состязательности, исключится возможность разрешения дела несудебными органами (имеется в виду вынесение следователем, дознавателем постановления о прекращении уголовного дела по возвращенному уголовному делу). Предлагают отказаться от жесткого подхода к пределам судебного разбирательства, как это имеет место в Республике Беларусь, и другие российские ученые [17; 18; 20]. Однако такие выводы и предложения сформулированы без учета дополнения УПК РБ нормами о возвращении уголовного дела прокурору. Поскольку именно Республика Беларусь пошла по российскому пути, а не наоборот, можно утверждать, что апробированные ею процедуры преодоления недостатков предварительного расследования не заменят дополнительное расследование.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Отказавшись в начале судебной реформы от института дополнительного расследования, Российская Федерация и Республика Беларусь применили разные способы преодоления препятствий к вынесению законного приговора, однако не смогли отказаться от дополнительного расследования, восстановив его фактически в прежнем виде и в полном объеме. Однако проанализированный в статье опыт Российской Федерации и Республики Беларусь свидетельствует не о невозможности решения проблемы обеспечения законности, всесторонности и полноты предварительного расследования без вовлечения в ее решение суда, но о необходимости поиска комплекса эффективных процессуальных средств внутри досудебной части уголовного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирюков Ю.С. Новое уголовно-процессуальное законодательство и практика прокурорского надзора // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 44–46.
2. Рязанов И., Гавердовская В. Возвращение уголовного дела прокурору // Законность. 2008. № 12. С. 23–24. EDN: [LGOLWF](#).
3. Ежова Е.В. Некоторые проблемы, возникающие при возвращении уголовного дела прокурору // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 3. С. 90–95. EDN: [JKFWAD](#).
4. Азаров В., Баранов А., Супрун С. Возвращение уголовного дела для производства дополнительного расследования: правосознание и закон, толкование и применение // Уголовное право. 2004. № 2. С. 84–86. EDN: [LGSLBM](#).
5. Тришева А.А. Возвращение уголовного дела прокурору: судьба института // Законность. 2015. № 4. С. 50–55. EDN: [TPHYBN](#).
6. Леонова Е.В. Возвращение дополнительного расследования // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9. № 3. С. 99–105. DOI: [10.18287/2542-047X-2023-9-3-99-105](#).
7. Стельмах В.Ю. Предусматривает ли современный уголовно-процессуальный закон возвращение уголовного дела судом для дополнительного расследования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 1. С. 173–181. DOI: [10.25724/VAMVD.NABC](#).
8. Головки Л.В. Истоки и перспективы института дополнительного расследования уголовных дел на постсоветском пространстве // Государство и право. 2009. № 11. С. 54–67. EDN: [LKSCSE](#).
9. Шарипова А.Р. Состязательные процедуры в уголовном, гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве: поиск обоснованных различий // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9. № 1. С. 54–59. DOI: [10.18287/2542-047X-2023-9-1-54-59](#).
10. Шарипова А.Р. Институт возвращения судом уголовного дела прокурору: межотраслевые аналогии // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3. С. 95–103. DOI: [10.25724/VAMVD.A023](#).
11. Шарипова А.Р. К вопросу о межотраслевой аналогии права в уголовном процессе // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2021. № 2. С. 19–25. EDN: [UATIQC](#).
12. Тришева А.А. Возвращение уголовного дела прокурору в российском уголовном процессе. М.: Проспект, 2019. 320 с.
13. Балакшин В.С. Возвращение судом прокурору уголовного дела для устранения препятствий его рассмотрения или для производства дополнительного расследования // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2018. Т. 28. № 1. С. 81–88. EDN: [YVIMLJ](#).
14. Зайцева Л.Л. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: обзор изменений и практики применения // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения: сборник научных трудов. Минск: БГУФК, 2010. С. 42–68.
15. Зайцева Л.Л. О необходимости предварительного слушания в уголовном судопроизводстве Республики Беларусь // Юстиция Беларуси. 2010. № 8. С. 39–43. EDN: [KAQPIO](#).
16. Гаврилов Б.Я. Пределы судебного разбирательства и возможности суда по изменению обвинения: российский и зарубежный опыт // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 3. С. 83–91. DOI: [10.24412/2072-9391-2022-363-83-91](#).
17. Кальницкий В.В., Куряхова Т.В. Дополнения ст. 237 УПК РФ и правовая позиция Конституционного Суда РФ // Уголовное право. 2014. № 6. С. 89–94. EDN: [THYYUP](#).
18. Сарычев Д.С. Судьба института дополнительного расследования на постсоветском пространстве // Мировой судья. 2016. № 11. С. 29–34. EDN: [WWWGYX](#).
19. Муравьев К.В., Булатов Б.Б. Изменение обвинения в суде: требуется дальнейшая корректировка механизма взаимоотношений государственного обвинения и суда // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4. С. 102–111. EDN: [VOUOJQ](#).
20. Машовец А.О. Изменение обвинения, полный или частичный отказ от него государственным обвинителем в ходе судебного разбирательства // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2. С. 93–96. EDN: [YSRPHX](#).

REFERENCES

1. Biryukov Yu.S. New criminal procedure legislation and prosecutor's supervision practice. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2003, no. 6, pp. 44–46.
2. Ryazanov I., Gaverdovskaya V. Return of a criminal case to a prosecutor. *Zakonnost*, 2008, no. 12, pp. 23–24. EDN: [LGOLWF](#).
3. Ezhova E.V. Some problems that arise when returning a criminal case to the prosecutor. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 3, pp. 90–95. EDN: [JKFWAD](#).
4. Azarov V., Baranov A., Suprun S. Return of a criminal case for additional investigation: legal awareness and legislation, interpretation and application. *Ugolovnoe pravo*, 2004, no. 2, pp. 84–86. EDN: [LGSLBM](#).
5. Trisheva A.A. Remanding a criminal case to a public prosecutor: destiny of the institute. *Zakonnost*, 2015, no. 4, pp. 50–55. EDN: [TPHYBN](#).
6. Leonova E.V. Return of supplementary investigation. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta*, 2023, vol. 9, no. 3, pp. 99–105. DOI: [10.18287/2542-047X-2023-9-3-99-105](#).
7. Stelmakh V.Yu. Does the modern criminal procedure law provide for the return of a criminal case by a court for further investigation? *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*, 2020, no. 1, pp. 173–181. DOI: [10.25724/VAMVD.NABC](#).
8. Golovko L.V. Sources and the prospect for the institute of the additional investigation of criminal cases on the post-Soviet space. *Gosudarstvo i pravo*, 2009, no. 11, pp. 54–67. EDN: [LKSCSE](#).
9. Sharipova A.R. Adversarial procedures in criminal, civil, arbitration and administrative proceedings: the search for unreasonable differences. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta*, 2023, vol. 9, no. 1, pp. 54–59. DOI: [10.18287/2542-047X-2023-9-1-54-59](#).
10. Sharipova A.R. Institute for the return of a criminal case to a prosecutor by a court: intersectoral analogies. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*, 2022, no. 3, pp. 95–103. DOI: [10.25724/VAMVD.A023](#).
11. Sharipova A.R. On the intersectoral analogy of law in criminal proceedings. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, no. 2, pp. 19–25. EDN: [UATIQC](#).
12. Trisheva A.A. *Vozvrashchenie ugovnogo dela prokuroru v rossiyskom ugovnom protsesse* [Return of a criminal case to a prosecutor in the Russian criminal procedure]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 320 p.
13. Balakshin V.S. Return of a criminal case by the court to the prosecutor to remove the obstacles of its consideration or for further investigation. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo*, 2018, vol. 28, no. 1, pp. 81–88. EDN: [YVIMLJ](#).
14. Zaytseva L.L. Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus. *Pravosudie i prokurorskiy nadzor v Respublike Belarus: zakonodatelstvo i praktika primeneniya: sbornik nauchnykh trudov*. Minsk, BGUFK Publ., 2010, pp. 42–68.
15. Zaytseva L.L. On the necessity of pre-trial hearing in the criminal proceedings of the Republic of Belarus. *Yustitsiya Belarusi*, 2010, no. 8, pp. 39–43. EDN: [KAQPIO](#).
16. Gavrilov B.Ya. The limits of litigation and the court's opportunities to change the charge: Russian and foreign experience. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*, 2022, no. 3, pp. 83–91. DOI: [10.24412/2072-9391-2022-363-83-91](#).
17. Kalnitskiy V.V., Kuryakhova T.V. Amendments to article 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and legal evaluation of the constitutional court. *Ugolovnoe pravo*, 2014, no. 6, pp. 89–94. EDN: [THYYUP](#).
18. Sarychev D.S. Post-Soviet concept of supplementary investigation. *Mirovoy sudya*, 2016, no. 11, pp. 29–34. EDN: [WWWGYX](#).
19. Muravev K.V., Bulatov B.B. Changing the charge in court: further adjustment of the mechanism of relations between the state prosecution and the court is required. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, 2018, no. 4, pp. 102–111. EDN: [VOUOJQ](#).
20. Mashovets A.O. Amendment of the charge, full or partial waiver of it by the public prosecutor in the course of the trial. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, 2017, no. 2, pp. 93–96. EDN: [YSRPHX](#).

Institution of additional investigation in the legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus: origins and development trends

© 2024

Elena V. Leonova, attorney, postgraduate student

Academician S.P. Korolev Samara National Research University, Samara (Russia)

E-mail: 3059@paso.ru,
lev0329@yandex.ru

Received 11.03.2024

Accepted 11.04.2024

Abstract: The paper analyzes the problem of overcoming the objectively existing contradiction between the institution of returning a criminal case for additional investigation and the adversarial principle. Despite the enshrinement of the principle of adversarial proceedings and equality of parties in Art. 15 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the initially eliminated institution of additional investigation was soon restored in its previous form. This allows the court, instead of pronouncing an acquittal, to provide the investigator with an additional possibility to continue collecting

accusatory evidence. The purpose of the work is to search for alternative ways to ensure the effectiveness of criminal proceedings complying with the principles of the Russian criminal procedure, including those tested in the Republic of Belarus. In the Republic of Belarus, the technique of changing the charge to a more serious one directly during the trial and eliminating the incompleteness of the preliminary investigation by suspending the trial proceedings to collect additional evidence is used as such method. Taking into account the dynamics of legal phenomena and legal means, using methods of historical and comparative analysis, the author of the paper studies the origins of the institution of additional investigation in the Russian Federation and the Republic of Belarus, analyzes its development, and compares the means of criminal procedural response to the errors of the preliminary investigation revealed during the trial. The study demonstrates the failure of the experience of both countries, as they have failed to free the court from its unusual duty to make up for shortcomings and eliminate errors in the preliminary investigation. The author concludes that it is necessary to search for fundamentally different means of improving the quality of the preliminary investigation directly during pre-trial proceedings.

Keywords: institution of additional investigation; the Russian Federation; the Republic of Belarus; return of a criminal case to a prosecutor; additional investigation; limits of judicial proceedings; adversarial principle.

For citation: Leonova E.V. Institution of additional investigation in the legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus: origins and development trends. *Jus strictum*, 2024, no. 2, pp. 26–34. DOI: 10.18323/3034-2945-2024-2-26-34.